

В ФЕВРАЛЕ — МАРТЕ в ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ ЛУНАЧАРСКОГО БУДЕТ ПРОХОДИТЬ СМОТР МОЛОДЫХ АКТЕРОВ. СЕЙЧАС ИДЕТ ПОДГОТОВКА К НЕМУ, ПРОСМАТРИВА

ЮТСЯ СПЕКТАКЛИ, ОТОБРАННЫЕ НА СМОТР.

РУБРИКОЙ «ТВОРЧЕСКИЕ УДАЧИ» МЫ НАЧИНАЕМ РАССКАЗ О МОЛОДЕЖИ ТЕАТРА, О ЛУЧШИХ АКТЕРСКИХ РАБОТАХ.

И ОГДА над землей долгая ночь, люди начинают мечтать о солнце.

Как живое воплощение всякой человеческой мечты о сказочной стране солнца появляется на сцене Калужского драматического театра в спектакле «В ночь лунного затмения» (режиссер заслуженный артист РСФСР П. Д. Басов) коренастый паренек с широко раскрытыми, по-детски наивными и доверчивыми глазами. В этих чуть раскосых глазах молодого башкирца и вечная тоска народа о счастье, веками накопившиеся отчаяние, в них надежда.

„ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ СТОЯ...“

Образ Диваны в спектакле Калужского театра создает артист Александр Чуйков.

В любой роли любого спектакля Александр Чуйков прежде всего стремится идти по линии глубокого внутреннего постижения характера. Это и приводит молодого актера к тому, что мы называем истинным перевоплощением. Оно совершается без особых ухищрений гримеров и парикмахеров. И в центральных, и в эпизодических ролях этот актер прежде всего стремится к точности мысли, которая приводит к точности действия, а действие снова рождает мысль... Так создается та непрерывная «водопадная» цепочка мыслей и поступков, которая и приводит к тому, что мы называем «жизнью человеческого духа». Поэтому-то прежде всего и хочется говорить о глазах Диваны, так как все внешние приспособления актера (всегда удивительно лаконичные, доходящие до обобщения) рождаются из глубокого внутреннего импульса к действию.

Дивана в исполнении Александра Чуйкова — это прежде всего мечтатель. Широко раскрыв руки, как будто желая взлететь в какие-то «неведомые», вечно маячащие дали, Дивана отвечает Дервишу (арт. А. П. Исупов): «И табуны мои, и облака, и горы!»

Нет, это не хвастливая реплика собственника, это не бездумные слова юродивого. Голос Диваны звучит торжествующе и радостно, в глазах его все жарче и жарче разгорается светлое пламя огромной мечты — мечты народа о свободной стране свободного человека.

И фигура этого смешного, трогательного паренка с широкими плечами атлета, с круглой детской рожицей разрастается в спектакле до символа Меч-

ты народа о «благодатном крае» всеобщего счастья. «Вот захочу, на облако вскочу и... улечу!» — с торжествующим вызовом говорит Дивана ненавистному ему Дервишу и, стремительно подбегая к рампе, поднимает руки словно для полета, но тут же бесильно опускается на землю, и слезы текут по его детски округлым щекам.

Зритель смеется: уж слишком разителен контраст между сильной, крепкой фигурой Диваны и этими бессильными детскими всхлипываниями. Но уже через секунду смех стихает. И, может быть, через свои личные несбывшиеся мечты о «неведомых» даях, которые есть у каждого, начинает зритель постигать трагедию Диваны, в которой как бы символически обобщилась трагедия порабощенного народа, веками стремившегося взлететь и не умевшего расправить крылья...

Дивана в спектакле — словно раненая птица: это чувствуется и в его неровной, порывистой походке, и в чуть неуклюже и бессильно расставленных чужих руках.

Народный в своей основе образ юродивого решения в спектакле режиссером П. Басовым и актером

А. Чуйковым средствами народной образности. Любимая фольклорная метафора «раненой птицы» стала как бы образным зерном характера Диваны.

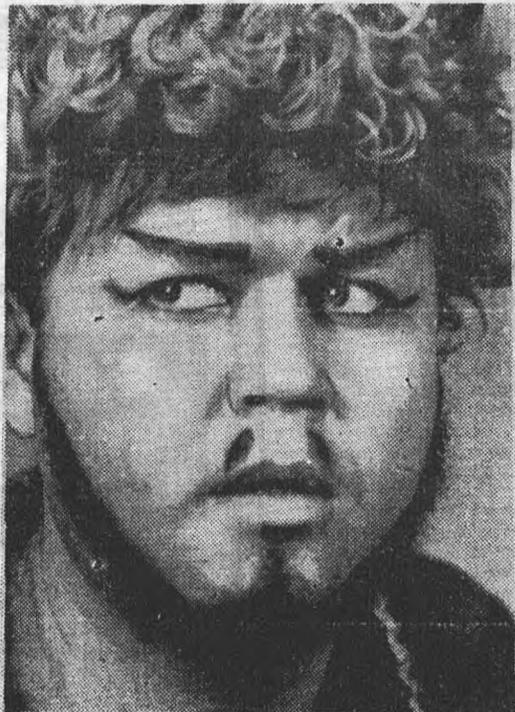
Юродивый Дивана в спектакле Калужского театра — это башкирская параллель любимому герою русских народных сказок и легенд Иванушке, которого люди, привыкшие жить по звериным законам дремучих лесов, прозвали дурачком за его щедрую, бескорыстную душу, за его нежелание и неумение приспособиться к их правилам и привычкам. В этом нежелании — вызов обществу. Так рождаются герои, подобные Динко. Так рождаются и страдальцы, подобные Диване, потому что у Диваны доброе, щедрое, но больное сердце. Режиссер и актер в решении образа Диваны не уходят от того налета болезненности, который характерен для этого героя. Но и сама его болезнь решена в спектакле в философском плане. Дивана боится потому, что хочет быть лично свободным в стране рабов. На вопрос Дервиша, сколько ему лет, Дивана отвечает радостно, уверенно и чуть удивленно: «А у меня их нет, ни зим, ни лет. Погами мну траву и без годов живу!»

В этой реплике крайность, но крайность отрицания того мира, в котором «все рабы от мала до велика».

Дивана — это чистое дитя, брошенное в мир «кривых зеркал», в котором почему-то доброе гибнет, злое торжествует.

С какой силой материнской нежности прижимает Танкабике (Н. Бедлинская) к своей груди милую, лохматую голову сына

«Ласкай меня почаще, байбисе!» — говорит Дивана.

И столько годами накопившейся горечи в этой коротенькой тихой фразе одинокого и отверженного человека, что сердце зрителя, который еще совсем недавно смеялся над забавными выходками Диваны, сжимается от боли. И опять перед нами не просто несчастная мать и несчастный сын. Это трагедия человеческого одиночества, это тоска всеобщего человеческого сердца о любви и дружеской участии, о свободном проявлении всех своих естественных и прекрасных порывов и чувств.

«Свобода во что бы то ни стало!» — эти слова могли бы стать эпиграфом к спектаклю Калужского театра по пьесе башкирского поэта Мустая Карима. Во имя свободы уходят навеки в темную глухую степь четыре молодых, прекрасных, рожденных для счастья человека: Акьгет, Зубаржат, Ялыгдил, Шафак. И в эту минуту Дивана словно преображается. Наконец-то он увидел героев! И теперь голос Диваны звучит сильно, гневно и торжествующе: «Рабы, — ты говоришь? Ты слуга повелителей с рабами. Там существуют четыре владыки!»

Дивана будет пятим... Он добровольно уйдет в вечную ночь для того, чтобы пробудить в душах людей активную жажду солнца.

А. ШУРКИНА,
заведующая литературной частью
облдрамтеатра,
Фото Ю. Палеждина.